

БЕРАЭН

ПОЛЬ ВЕРЛЕН

СТИХИ

ВЫБРАННЫЕ И ПЕРЕВЕДЕННЫЕ
ФЕДОРОМ СОЛОГУБОМ

—•••—

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ
ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «ПЕТРОГРАД»
ПЕТРОГРАД — МОСКВА
1923

**Настоящее издание отпечатано
в типографии Первой Петро-
градской Трудовой Артели Пе-
чатников (Моховая, 40), в коли-
честве 2.500 экз. Петрооблит
№ 7440.**

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА.

Первое издание моих переводов из Верлена напечатано в 1908 году («Факелы», изд-ство Д. К. Тихомирова). Оно содержало предисловие и переводы 37 стихотворений, из которых пять были даны в двух-трех переводах каждое. Мысли, изложенные в предисловии, потом были развиты в другой моей работе («Искусство наших дней»), и потому здесь дается только часть этого предисловия:

«Я переводил Верлена потому, что люблю его. А люблю я в нем то, что представляется мне в нем наиболее чистым проявлением мистической иронии.

В поэтическом творчестве я различаю два стремления,—положительное, ироническое, говорящее миру *да*, и этим вскрывающее роковую противоречивость жизни,—и отрицательное, лирическое, говорящее данному миру *нет*, и этим создающее иной мир, желанный, необходимый и невозможный без конечного преобразования мира.

Для лирического поэта, как для Дон-Кихота, нет Альдонсы, есть Дульцинея. Для иронического поэта, как для Санчо-Панса, нет Дульцинеи, есть Альдонса.

И та, и другая область поэзии редко остаются в своей начальной чистоте, и представляют многие уклоны.

Самый редкий уклон,—и это—уклон Поля Верлена,—когда принята Альдонса, как подлинная Альдонса и подлинная Дульдинея: каждое ее переживание ощущается в его роковых противоречиях, вся невозможность утверждается, как необходимость, за пестрою завесою случайностей обретен вечный мир свободы. В каждом земном и грубом упоении таинственно явлены красота и восторг. Ирония становится мистическою».

Из первого издания здесь перепечатаются без изменения 12 стихотворений (1, 2, 4, 5, 9, 13, 20, 25, 29, 39, 45 и 49); 10 стих. печатаются в исправленном виде (3, 7, 8, 16, 17, 22, 27, 50, 51 и 53); для 15 стих. даны новые переводы (10, 18, 19, 21, 23, 24, 26, 28, 30, 31, 33—35, 46 и 52). Вновь переведено 16 стих. (6, 11, 12, 14, 15, 32, 36—38, 40—44, 47 и 48). Итак, из 53 стихотворений этой книги 31 печатаются первый раз.

Далее приведены из первого издания те стихотворения, которые не вошли в основной текст.

Ф. Сологуб.

ПОЛЬ ВЕРЛЕН

ИЗ КНИГИ
ПОЭМЫ САТУРНАЛИЙ

НИКОГДА ВОВЕКИ.

Зачем ты вновь меня томишь, воспоминанье?
Осенний день хранил печальное молчанье,
И ворон неся вдаль, и бледное сиянье
Ложилось на леса в их желтом одеяньи.

Мы с нею шли вдвоем. Пленяли нас мечты,
И были волоса у милой развиты,
И звонким голосом небесной чистоты
Она спросила вдруг:—Когда был счастлив ты?

На голос сладостный, на взор ее тревожный,
Я молча отвечал улыбкой осторожной,
И руку белую смиренно целовал.

О, первые цветы, как вы благоухали!
О, голос ангельский, как нежно ты звучал,
Когда уста ее признание лепетали!

× × ×

Ж Е Н Щ И Н Е.

Тебе мои стихи о ласке утешительной
Очей, где слезы радости, где сладкая мечта,
О сердце кротком, девственном. Сложилась
песня та
Во тьме тоски моей, безумно разрушительной.

Повадился ко мне, увы!— кошмар губительный.
Растет, как стая жадная волков из-за куста.
Нет от него спасения, жизнь кровью облита,
Он давит сердце мне с жестокостью мучительной.

Томлюсь, томлюсь безрадостно, и первая тоска
Адама в первый день внезапного изгнания,
Как нежная идиллия, перед мной сладка.

Твои ж заботы все отрадней щебетания,—
О, милая,—тех ласточек, что в небе голубом
Летают ранней осенью, прохладным светлым
днем.

Т О С К А .

Меня не веселит ничто в тебе, Природа:
Ни хлебные поля, ни отзвук золотой
Пастушеских рогов, ни утренней порой
Заря, ни красота печального захода.

Смешно искусство мне, и Человек, и ода,
И песенка, и храм, и башни вековой
Стремленье гордое в небесный свод пустой,
Что мне добро и зло, и рабство, и свобода!

Не верю в бога я, не обольщаюсь вновь
Наукою, а древняя ирония, Любовь,
Давно бегу ее в презренье молчаливом.

Устал я жить, и смерть меня страшит. Как челн,
Забывтый, зыблемый приливом и отливом,
Моя душа скользит по воле бурных волн.

МОРЯНА.

Океан трепещет
Звучной шириной,
Траур над луной,
И луна не блещет,—

Молнии излом,
Пагубный и хмурый,
Вьется в тверди бурой
Блещущим ножом,—

Судорожно скачет
Каждый новый вал
Вдоль подводных скал,
Бьется, блещет, плачет,—

Там, где ураган
В небесах блуждает,
Грозно гром рыдает,—
Бьется океан.

× × ×

ПОСМЕШИЩА.

Не опасаясь ни лишений,
Ни утомленья, ни тоски,
Они дорогой приключений
Идут в лохмотьях, но дерзки.

Мудрец казнит их речью ловкой,
Глупец становится втупик,
Девицы дразнят их издевкой,
Мальчишки кажут им язык.

Конечно, жизнь их ядовита,
Они презренны и смешны,
Всегда напоминая чьи-то
Во тьме ночной дурные сны.

Гнут! над резкою гитарой
Блуждает вольная рука.
В их странных песнях ропот ярый,
По горней родине тоска;

В глазах то плачет, то смеется
Любовь, наскучившая нам,
К тому, что вечно остается,
К давно почившим и к богам.

Блуждайте ж, отдыха не зная,
Людьми отвергнутой толпой
У двери замкнутого рая,
Над грозной бездною морской.

С природой люди дружны стали,
Чтобы казнить вас по делом
За то, что, гордые в печали,
Идете с поднятым челом,

И вас, отмщая дерзновенных
Надежд высокомерный пыл,
Встречает на путях забвенных
Природа схваткой грубых сил.

То зной сжигает ваше тело,
То холод в кости вам проник;
Горячка кровью овладела,
Терзает кожу вам тростник.

Все гонят вас с ожесточеньем,
А после смерти роковой
И волк посмотрит с отвращеньем
На труп холодный и худой.

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ.

О, струнный звон,
Осенний стон,
Томный, скучный.
В душе больной
Напев ночной
Однозвучный.

Туманный сон
Былых времен
Ночь хоронит.
Томлюсь в слезах,
О ясных днях
Память стонет.

Душой с тобой,
О, ветер злой,
Я, усталый.
Мои мечты
Уносишь ты,
Лист увялый.

× × ×

ПЕСНЯ НАИВНЫХ.

Мы наивны, синеглазки
Из романов старых лет.
Наши гладкие повязки,
Как и нас, забыл весь свет.

Мы дружны необычайно.
Дня лучи не так чисты,
Как заветных мыслей тайна.
Как лазурь, у нас мечты.

На поляны убегаем,
Лишь спадет ночная тень,
Ловим бабочек, болтаем
И смеемся целый день.

Под соломенные шляпки
К нам загару нет пути.
Платья,—легонькие тряпки,
Где белей могли б найти!

Ришелье, иль де-Коссады,
Или кавалер Фоблаз
Завлекают нас в засады
Нежных слов и томных глаз.

Но напрасны их повадки,
И увидят лишь одни
Иронические складки
Наших юбочек они.

Дразнит их воображенье,
Этих всех сорви-голов,
Наше чистое презренье,
Хоть порой от милых слов

Начинает сердце биться
В обаяньи тайных дум
И в предвещеньи,—влюбиться
Не пришлось бы наобум.

× × ×

СЕРЕНАДА.

То не голос трупа из могилы темной,
Я перед тобой.
Слушай, как восходит в твой приют укромный
Голос резкий мой.

Слушай, мандолине душу открывая,
Как звучит струна:
Про тебя та песня, льстивая и злая,
Мною сложена.

Я спою про очи: блеск их переливный —
Золото, оникс.
Я спою про Лету груди, и про дивный
Темных кудрей Стикс.

То не голос трупа из могилы темной,
Я перед тобой.
Слушай, как восходит в твой приют укромный
Голос резкий мой.

Тело молодое, как и подобает,
Много восхваляю:
Вспомнив, как роскошно плоть благоухает,
По ночам не сплю.

Завершая песню, воспою лобзання
Этих алых губ,
И твою улыбку на мои страдания,
Ангел! душегуб!

Слушай, мандолине душу открывая,
Как звенит струна:
Про тебя та песня, льстивая и злая,
Мною сложена.

× × ×

В ЛЕСАХ.

Одни, наивные иль с вялым организмом,
Услады томные найдут в лесной тени,
Прохладу, аромат, и счастливы они.
Мечтания других там дружны с мистицизмом,

И счастливы они. А я, —меня страшат
И неотступные, и злые угрызенья.
Дрожу в лесу, как трус, который привиденья
Бои́тся, или ждет неведомых засад.

Молчанье черное и черный мрак роняя,
Все ветви зыблются, подобные волне,
Угрюмые, в своей зловещей тишине
Глубоким ужасом мне сердце наполняя.

А летним вечером зари румяной лик,
В туманы серые закутавшись, пышет
Пожаром, кровью в них, и жалобой дышет
К вечерне дальний звон, как чей-то робкий крик.

Горячий воздух так тяжел; сильней и чаще
Колышатся листы развесистых дубов,
И трепет зыблет их таинственный покров,
И разбегается в лесной суровой чаще.

Приходит ночь. Сова летит. Вот час, когда
Припоминается старинное преданье.
В лесу, внизу, звучит чуть слышное журчанье
Ручья, как тихий шум злодейского гнезда.

ИЗ КНИГИ
ЛЮБЕЗНЫЕ ПРАЗДНИКИ

ЛУННЫЙ СВЕТ.

Твоя душа—та избранная даль,
Где маски мило пляшут бергамаску.
Причудлив их наряд, а все ж печаль,
Звуча в напеве струн, ведет их пляску.

Амура мощь, безоблачные дни
Они поют, в минорный лад впадая,
И в счастье не веруют они,
В лучи луны романсы облекая.

И льются в тихий, грустный свет луны
Мечтанья птиц среди ветвей и взлеты
К луне светло рыдающей волны,
Меж мраморов большие водометы.

× × ×

НА ТРАВЕ.

Аббат хмелен. Маркиз, ого!
Поправить свой парик сумей-ка.
— Вино из Кипра, Камарго,
Не так пьянит, как ваша шейка.

— Огонь мой... — До, ми, соль, ля, си.
— Аббат, ты распахнул сутану.
— О, дамы, черт меня носи,
Коль с неба звезд вам не достану.

— Собачкой стать бы — не беда.
— Одну, другую, поделуем
Пастушек наших. — Господа!
— До, ми, соль. — Эй, луна, пируем!

× × ×

В ПЕЩЕРЕ.

О, как вы мучите сердца!
Умру пред вашими ногами.
Тигрицу Гиркании сравнивая с вами,
Скажу: ты—кроткая овца!

Да, здесь, жестокая Климена,
Тот меч, который метче стрел
От Сципионов, Киров жизнь отнять умел,
Освободит меня из плена.

Да и не он мне путь открыл
На Элизийские поляны,—
Лишь взор мне ваш блеснул, стрелою острой,
Амур мне сердце поразил.
рдной

× × ×

Ф А В Н.

Плешивый фавн из темной глины,
Плохой конец благих минут
Ведая нам, среди куртины
Смеется дерзко, старый плут,

Над тем, что быстрые години
Нас к этим праздникам ведут,
Где так грохочут тамбурины,
Но где кручины стерегут.

× × ×

ПИСЬМО.

Далек от ваших глаз, сударыня, живу
В тревоге я (богов в свидетели зову);
Томиться, умирать — мое обыкновенье
В подобных случаях, и, полный огорченья,
Иду путем труда, со мною ваша тень,
В мечтах моих всю ночь, в уме моем весь день.
И день, и ночь во мне восторг пред ней не
стынет.

Настанет срок, душа навеки плоть покинет,
Я призраком себя увижу в свой черед,
И вот тогда среди мучительных забот
Стремиться буду вновь к любви, к соединенью,
И тень моя навек сольется с вашей тенью!

Теперь меня, мой друг, твоим слугой считай.
А все твое, твой пес, твой кот, твой попугай,
Приятно ли тебе? Забавят разговоры
Всегда ль тебя, и та Сильвания, которой
Мне б черный глаз стал люб, когда б не синь
был твой,

С которой слала ты мне весточки порой,
Все служит ли тебе наперсницею милой?

Но, ах, сударыня, хочу владеть я силой
Завоевать весь мир, чтобы у ваших ног
Сложить богатства все несметные в залог
Любви, пыланиям сердец великих равной,
Достойной той любви, во тьме столетий славной.
И Клеопатру встарь,—словам моим внемли!—
Антоний с Цезарем любить так не могли.
Не сомневайтесь, сумею я сражаться,
Как Цезарь, только бы улыбки мне дожждаться,
И, как Антоний, рад к лобзанию убежать.

Ну, милая, прощай. Довольно мне болтать.
Пожалуй, длинного ты не прочтешь посланья,
Что ж время и труды мне тратить на писанья.

ИЗ КНИГИ
ДОБРАЯ ПЕСНЯ

На солнце утреннем пшеница золотая
Тихонько греется, росой еще сверкая.
Ночною свежестью лазурь еще ясна.
Выходишь из дому, хоть незачем; видна
На волнах зыбких трав, текущих вдаль, желтея,
Ольхами старыми обросшая аллея.
Дышать легко. Порой, слетавши в огород,
Соломинку несет пичужка, или. плод;
За нею по воде мелькание отсвета.
Вот все.

Мечтателю мила картина эта,
Внезапной ласкою обвившая мечты
О счастья радостном, о чарах красоты,
Взлелеявшая вновь и нежные напевы,
И ясный блеск очей, — весь облик юной девы,
Которой жаждет муж, которую поэт
Зовет обетами, — пусть им смеется свет,
Подруга, наконец, нашлась, которой вечно
Душа его ждала, тоскуя бесконечно.

Все прелести и все извивы
Ее шестнадцатой весны
По-детски простодушно живы
И нежностью упоены.

Очами райского мерцанья
Она умеет, хоть о том
Не думает, зажечь мечтанья
О поцелуе неземном,

И этой маленькой рукою,
Где и колибри негде лечь,
Умеет сердце взять без бою
И в безнадежный плен увлечь.

Душе высокой в помощь разум
Приходит, чтобы нас пленить
Умом и чистотою разум:
Что скажет, так тому и быть!

И если жалости не будит
Безумство в ней, а веселит,
То музой благосклонной будет
Она, и дружбой наградит,

И даже, может быть, — кто знает!
Любовью смелого певца,
Что под окном ее блуждает
И ждет достойного венца

Для песни, милой иль нескромной!
Где ни один неверный звук
Не затемняет страсти томной
И сладостных любовных мук.

× × ×

Пока еще ты не ушла,
Звезда, бледна в тумане,
— Перепела
Поют, поют в тимьяне.—

Брось на поэта, в чьих очах
Огни любви зардели,
— В дневных лучах
Вот жаворонка трели.—

Твой взор, который поглотит
Заря лазурью неба.
— Восторг царит
Над зрелой нивой хлеба.—

Зажги мечту мою потом
Над дальним, дальним долом,
— Роса кругом
В сверкании веселом.—

Над спящей милою моей
В пленительном покое.
— Скорей, скорей:
Вот солнце золотое!

× × ×

Ночной луною
Бледны леса,
И под листвою
Все голоса
Несутся, тая...

О, дорогая.

Пруда отсветы—
Стекла разлив.
Там силуеты
От черных ив
И ветра слезы...

Вот час для грезы.

В дыханьях нежных
Идет покой
С высот безбрежных
Горы ночной,
Где звезд мерцанья...

Час обаянья.

× × ×

Песня, улетай скорее,
Встреть ее, и молви ей,
Что, горя все веселее
В сердце верном, рой лучей

Топит в райском озареньи
Всякую ночную тень:
Недоверье, страх, сомненье,—
И восходит ясный день!

Долго робкая, немая,
Слышишь? в небе радость вновь,
Словно птичка полевая,
Распевает про любовь.

Ты скажи в краю далском,
Песнь наивная моя,—
Встречу лаской, не упреком,
Возвратившуюся я.

× × ×

Вчера, среди ничтожных разговоров,
Мои глаза искали ваших взоров;

Ваш взор блуждал, ища моих очей,
Меж тем бежал, струясь, поток речей.

Под звуки фраз обычного закала
Вкруг ваших дум любовь моя блуждала.

Рассеянный, ловил я вашу речь,
Чтоб тайну дум из быстрых слов извлечь.

Как очи, речи той, кто заставляет
Быть грустным иль веселым, открывают, —

Как ни спешу насмешливою быть,—
Все, что она в душе желает скрыть.

Вчера ушел я, полный упоенья:
И тщетная ль надежда наслажденья

В моей душе обманчивый льет свет?
Конечно, нет! Не правда ли, что нет?

Очаг, и тесное под лампою мерцанье;
С ладонью на виске отрадное мечтанье;
Блужданье страстных глаз в лазури милых глаз;
И чай дымящийся, и книг закрытых час;
И сладость чувствовать конец беседы нежной,
И томность легкая, и к вам порыв мятежный,
О, тени брачные и сладостная ночь,—
Для этого мечта стремилась превозмочь
Отсрочки тщетные, и к вожденной цели
Тянулись месяцы и мчались недели.

✕ ✕ ✕

Почти боюсь, — так сплетена
Вся жизнь была минувшим летом
С мечтой, блистающею светом,
Так вся душа озарена.

Ваш милый лик воображенье
Не утомляется чертить.
Вам нравится и вас любить —
Вот сердца вечное стремленье.

Простите, — повторю, смущен,
Слова признания простого, —
Улыбка ваша, ваше слово
Отныне для меня закон.

И вам довольно только взгляда
Или движенья одного,
Чтобы из рая моего
Меня повергнуть в бездну ада.

Но лучше мне от вас бежать,
И пусть бы душу ожидали
Неисчислимые печали,
Я не устану повторять,

Встречая в счастья высоком
Надежд неизмеримый строй:
— Я вас люблю, я — вечно твой,
Не побежден суровым роком! —

× × ×

Так, солнце, общник радости моей,
Поможет, знаю, летним полднем ясным
Стать вашей милой красоте, в атласном
Иль шелковом плену, еще милей;

Лазурь сольется в пышность трепавья,
Шатер высокий в складках без границ,
И всю отгонит кровь от наших лиц
Волненье счастья и ожидания;

А вечером спокойный звездный строй
Супругам благосклонно улыбнется,
И вашу вуалью обовьется,
Играя нежно, ветерок ночной.

× × ×

Зима прошла: лучи в прохладной пляске
С земли до ясной тверди вознеслись.
Над миром разлитой безмерной ласке,
Печальнейшее сердце, покорись.

Вновь солнце юное Париж встречает, —
К нему, больной, нахмуренный от мук,
Безмерные объятия простирает
Он с алых кровель тысячами рук.

Уж целый год душа цветет весною,
И, зеленея, нежный флореаль
Мою мечту обвил иной мечтою,
Как будто пламя в пламенный вуаль.

Венчает небо тишью голубою
Мою смеющуюся там любовь.
Весна мила, обласкан я судьбою,
И оживают все надежды вновь.

Спеши к нам, лето! В смене чарований
За ним сменяйтесь, осень и зима!
Хвала тебе, создавшему все грани
Времен, воображенья и ума!

× × ×

ИЗ КНИГИ
РОМАНСЫ БЕЗ СЛОВ

Le vent dans la plaine
Suspend son haleine.

(Favart).

Это — нега восхищенья,
Это — страстные томленья,
Это — трепеты лесов,
Свежим веяньем объятых,
Это — в ветках сероватых
Хор чуть слышных голосов...

О, прохладный, слабый ропот!
И чириканье, и шопот,
Ветер веет над травой;
Вопли нежные срывая...
Ты сказала б: то глухая
Качка камней под водой...

В этой жалобе ленивой
Слышен плач души тоскливой, —
Ах, не нашей ли души?
Не моя ль с твоей, скажи мне,
Тихо млеют в кротком гимне
Влажным вечером в тиши?

× × ×

Я угадываю сквозь шептанья
Тонкий очерк голосов летийских.
И в сияньи светов мусикийских
Бледную любовь, зарю мечтанья!

Сердце и душа томятся жаждой, —
В них дано не зренье ль мне двойное,
Где дрожат сквозь марево дневное
Песенки, увы! от лиры каждой?

Умереть бы так, как отлетели
Те часы изгнания и рая,
Что Амур качал, мне угрожая!
Умереть бы в этой колыбели!

× × ×

В слезах моя душа,
Дождем заплакан город.
О чем, тоской дыша,
Грустит моя душа?

О, струи дождевые
По кровлям, по земле!
В минуты, сердцу злые,
О, песни дождевые!

Причины никакой,
Но сердцу все противно.
К чему же траур мой?
Измены никакой.

Нет горше этой муки, —
Не знаешь, почему,
Без счастья, без разлуки,
Так много в сердце муки!

× × ×

Знайте, надо миру даровать прощенье,
И судьба за это счастье нам присудит.
Если жизнь пошлет нам грозные мгновенья,
Что ж, поплачем вместе, так нам легче будет.

Мы бы сочетали, родственны глубоко,
С детской простотою кротость обещанья
От мужей, от жен их отойти далеко
В сладостном забвеньи горестей изгнанья.

Будем, как две девы, — быть детьми нам надо,
Чтоб всему дивиться, малым восхищаться,
И увянуть в тених непорочных сада,
Даже и не зная, что грехи простятся.

В полях кругом
В тоске безбрежной
Снег ненадежный
Блестит песком.

Как пыль металла,
Лазурь тускла.
Луна блуждала
И умерла.

Дрожат, как спьяна,
В дубраве той
Дубы толпой
Среди тумана.

Как пыль металла,
Лазурь тускла.
Луна блуждала
И умерла.

О, ворон жадный
И тощий волк,
Что ждет ваш полк
Зимой нещадной?

В полях кругом
В тоске безбрежной
Снег ненадежный
Блестит песком.

× × ×

Деревьев тень в реке упала в мрак туманный,
Словно в саван, дымом тканый,
И плачет в воздухе там, с веток настоящих,
Песня горлинок неспящих.

Так метко отражен в картине этой бледной
Ты, сам бледный, странник бедный,
И высоко в листве заплакали, так жалки,
Всех твоих надежд русалки!

× × ×

БРЮССЕЛЬ.

ПРОСТЫЕ ФРЕСКИ.

I

**И холмы, и долов дали
В розы, в прозелень одеты.
Лампы зыбко в полусветы
Очертанья все смешали.**

**На смиренные пучины
Кровь сквозь золото пылает.
На деревьях без вершины
Птичка слабо запеваet.**

**Так душе моей знакомы
Лики осени докучной.
Ветер все мои истомы
Убаюкал, однозвучный.**

II

Вижу даль аллея.
Небо, быть светлей
Можно ль небесам?
В тайный свой приют
Нас кусты зовут, —
Знаешь, мило там.

Входит много бар, —
Сам Ройе-Колар
С ними рад дружить, —
Под дворцовый кров.
Этих стариков
Можно ль не почитать?

Весь дворец был бел,
А теперь зардел, —
То заката кровь.
Все поля кругом.
Пусть найдет свой дом
Наша там любовь.

Estaminet,
Maison Jeune Renard,
août 1872.

× × ×

МУРАВА.

Вот ветки с листьями, с цветами и с плодами,
И сердце, — только вам его я посвятил.
Его ли растерзать вам белыми руками!
Да будет скромный дар глазам, столь ясным, мил.

Я прихожу, еще обветренный с дороги
И весь обрызганный холодной росой.
Усталости моей позвольте ваши ноги
Обвить мечтаньями, дарящими покой.

На грудь к вам головой склониться не мешайте.
Лобзанья звучного я не успел забыть.
Мне успокоиться от милой бури дайте
И в вашей тишине недолгий сон вкусить.

СПЛИН.

Алеют слишком эти розы,
И эти хмели так черны.

О, дорогая, мне угрозы
В твоих движениях видны.

Прозрачность волн, и воздух сладкий,
И слишком нежная лазурь.

Мне страшно ждать за лаской краткой
Разлуки и жестоких бурь.

И остролист, как лоск эмали,
И букса слишком яркий куст,

И нивы беспредельной дали, —
Все скучно, кроме ваших уст.

УЛИЦЫ.

I

Станцуем джигу!

Любил я блеск ее очей.
Они небесных звезд светлей,
И много ярких в них огней.

Станцуем джигу!

С влюбленными она была,
Неотразимая, так зла,
И в самой злости так мила!

Станцуем джигу!

Но розы уст милей цветут,
Когда уйдем из хитрых пут,
Когда мечты о ней умрут.

Станцуем джигу!

И вспоминать мне много лет
Часы любви, часы бесед, —
Ах, лучшей радости мне нет!

Станцуем джигу!

Сого.

II

Как фантастично появленье
Рски врьд уид, и теченье
Там за стеною футов в пять!
Она не плещет в берег мглистый
Волною темною, но чистой,
Предместьям не мешает спать.

В разливе мертво-желтом, полном
Один лишь дым приникнет к волнам,
И пусть заря зажжет, скользя,
Коттеджи, желтый или черный,
За набережную просторной
Им стразиться в ней нельзя.

Paddington.

× × ×

РЕБЕНОК - ЖЕНЩИНА.

Не понимали вы, как я был прост и прав,
О, бедное дитя!
Бежали от меня, досаде волю дав,
Судьбой своей шутя.

Лишь кротость отражать, казалось бы, очей
Лазурным зеркалам,
Но столько желчи в них, сестра души моей,
Что больно видеть нам.

Руками нежными так замахали вы,
Как взбешенный герой,
Бросая резкий крик, чахоточный, увы!
Вы, в ком напевный строй!

Насмешливых и злых боитесь вы, и гром
Заставит вас дрожать,
Овечка грустная, — вам плакать бы тайком,
Обнявши нежно мать.

Любви не знали вы, — несет и свет, и честь
Бестрепетно она,
Спокойна в добрый час, но крест умеет несть,
И в смертный час сильна.

× × ×

БЕДНЫЙ МОЛОДОЙ ПАСТУХ.

Поцелуя боюсь
Как пчелиного жала, —
Изнываю, томлюсь,
Даже сплю очень мало:
Поцелуя боюсь.

Все-же Катю люблю я, —
Катя — снега белей;
Вспоминаю, тоскуя,
Ласку милых очей, —
Нежно Катю люблю я.

Валентинова дня
Целования с нею
Я боюсь, как огня.
Я робею, робею
Валентинова дня.

Жду минуты венчанья,
Катя будет моя.
Но какие страданья
Пережить должен я
До минуты венчанья!

Поцелуя боюсь,
Как пчелиного жала, —
Изнываю, томлюсь,
Даже сплю очень мало:
Поцелуя боюсь.

СИЯНИЯ.

Был ветер так нежен, и даль так ясна.
Ей плыть захотелось в открытое море.
За нею плывем мы, с шалуньей не споря.
Соленая нас охватила волна.

На тверди безоблачной солнце сияло,
И золотом рдело в ее волосах,
И тихо качалась она на волнах,
И море тихонько валы развивало.

Неспешные птицы вились далеко,
Вдали паруса, наклоняясь, белели,
Порой водоросли в воде зеленели,—
Мы плыли уверенно так и легко.

Она оглянулася с кроткой улыбкой,
Не веря, что мы не боимся волны,
Но радостью плыть с ней мы были полны,—
Плывет она снова дорогою зыбкой.

Douvres—Ostende,
à bord de la Comtesse de Flandre.
4 avril 1873.

×.××

ИЗ КНИГИ
МУДРОСТЬ

Меня в тиши Беда, злой рыцарь в маске, встретил,
И в сердце старое копье свое уметил.

Кровь сердца старого багряный мечет взмах,
И стынет, дымная, под солнцем на цветах.

Глаза мне гасит мрак, упал я с громким криком,
И сердце старое мертво в дрожаньи диком.

Тогда приблизился и спешился с коня
Беда, мой рыцарь злой, и тронул он меня.

Железом скованный влагая перст глубоко
Мне в язву, свой закон вещает он жестоко,

И от касания холодного перста
И сердце ожило, и честь, и чистота,

И, к дивной истине так пламенно-ревниво,
Вновь сердце молодо в груди моей и живо.

**Дрожу под тяжестью сомнений и тревог,
Но упоен, как тот, кому явился Бог.**

**А добрый рыцарь мой на скакуна садится,
Кивает головой пред тем, как удалиться,**

**И мне кричит (еще я слышу голос тот):
— Довольно в первый раз. Но берегись вперед!—**

× × ×

И красота, и слабость женщин, их печали,
И руки бледные, источник благ и зла,
Глаза, где жизнь почти все дикое сожгла,
Оставив то, пред чем мучители дрожали,

И с лаской матери, когда бы даже лгали
Уста, всегда их голос! Призыв на дела,
Иль добрый знак, иль песнь, когда застигнет мгла,
Или рыданье, умершее в складках шали!..

Как люди злы! Как жизнь нелепа и груба!
Ах! еслиб нам не поцелуи, не борьба,
Осталось нечто доброе в верховном круге,

Что зародилось в сердце детском и простом,
И честь, и милость! Это – верные подруги,
Иное что останется, когда умрем?

Послушай нежной песни лепет.
Она заплачет, утешая,
Такая скромная, простая,
Как ручейка над мхами трепет.

Нам ведома и вождеденна,
Теперь она звучит из дали,
И, как вдова из-за вуали,
Глядит печально, но надменно.

Злой ветер, налетая с ревом,
Не вскрыет тайны покрывала,
Но сердцу ясен блеск фиала
Небесной правды под покровом.

Нам ведомая, повторяет,
Что наша ненависть и злоба
Бесследно канут в бездну гроба,
И лишь добро не умирает,

И говорит, какая радость—
Простая жизнь без ожиданья,
И ясным золотом венчанье,
И мира без победы сладость.

Звучит, с холодным ветром споря,
Наивная эпиталама;
Великолепнее нет храма,
Чем храм утешенного горя.

Подобна страннице бездомной
Душа, безгневная в томленьи.
Как ясны все ее ученья!
Внимай урокам песни скромной.

× × ×

Как нежно вы меня ласкали
Так незадолго до разлуки,
О, эти маленькие руки,
Которыми мои печали,

Мои томлецыя и скитанья
И в близких, и в далеких странах
Под ясным солнцем и в туманах
Преображались в мечтанья.

Все к ним тоска моя стремится,
Но разгадаю ли их знаки
Душе, которая во мраке
Зловещем никнет и томится?

О, непорочное виденье,
Приходишь ли ты с вестью верной
О нашей родине безмерной,
Где тесное соединенье?

О, руки, власть благословенья,
И скорбь, и кроткие упреки,
И освященные зароки,
О, дайте, дайте знак прощенья!

× × ×

Сын громадных поселений
И презренных возмущений,
Здесь я все, о чем мечтал,
Отыскал, и все познал,
Но все—призрак, все убого,

Все спешило отвести.
Я легко сказал «прости»
Наслажденью, даже счастью,
С каждой я расстался страстью
Вне тебя, мой милый бог!

Поднял крест меня на крылья,
Дал мне лучшие усилия
Устремляться к чистоте,
К тишине, к святой мечте
Целомудренно и строго.

Умиление, мне подай
Сладких рос отрадный рай,
Погрузи в живую воду,
Сердцу дай одну свободу,—
Умереть у божьих ног!

× × ×

Я в черные дни
Не жду пробужденья.
Надежда, усни,
Усните, стремленья!

Спускается мгла
На взор и на совесть.
Ни блага, ни зла,—
О, грустная повесть!

Под чьей-то рукой
Я—зыбки качанье
В пещере пустой...
Молчанье, молчанье!

× × ×

Над кровлей небо лишь одно,—
Лазурь яснеет.
Над кровлей дерево одно
Вершиной веет.

И с неба льются мне в окно
От церкви звоны,
И с дерева летят в окно
Мне птичьи стоны.

О, боже, боже мой, все там
Так просто, стройно,
И этот мирный город там
Живет спокойно.

— К чему теперь, подумай сам,
Твой плач унылый,
И что же сделал, вспомни сам,
Ты с юной силой?

× × ×

ИЗ КНИГИ
КОГДА-ТО И НЕДАВНО

КАЛЕЙДОСКОП.

В том городе в мучительной земле
Настанет вновь, как встарь жилось кому-то,
И страшная, и горькая минута.
О, это солнце, скрытое во мгле!

О, этот крик в морях! О, вопль дубравный!
Как в старину, проснется не спеша,
Перерожденья кончивши, душа,
И мир найдет, бывшему миру равный,

В той улице средь города мечты,
Где в ночь орган сыграет плясовую,
Где будет музыка напропалую,
Где замурлычат в лавочках коты.

Все неизбежно будет, как могила:
Вдоль щек смиренные потоки слез,
Рыданья смеха в трескотне колес,
И зовы:—Смерть, хоть ты б освободила!—

Букет увялый, древний перепев!
Народный бал опять назойлив станет.
Вдова повязкою свой лоб затянет,
Да и пойдет в среде продажных дев,

Что шляются с толпою развращенной
Мальчишек и поганных стариков,
И ротозеи треском бураков
Потешатся на площади зловонной.

И будет так, как будто кто заснул,
Едва проснувшись,—и опять он в этом
Волшебном мире, убаюкан летом
Под шум травы и пчел волнистый гул.

× × ×

ПЬЕРРО.

Уж не такой, как встарь, мечтавший под луной,
Смешивший прадедов с высокого балкона,
К нам с мертвою свечей, со смехом горше стона
Приходит призраком он, бледный и худой,

И, ветром взвевный среди грозы ночной
В протяжном ужасе цвет блеклый балахона
Подобен савану; уста, как рот дракона,
Который корчится от муки гробовой.

Он белым рукавом, шумящим мягко в мраке,
Как крылья птиц ночных, дает такие знаки,
Что кто б ответить мог мельканьям странным рук?

В пещерах глаз больших таится фосфор, тлея.
Лицо и острый нос для нас еще страшнее,
Мукой осыпаны, как пылью смертных мук.

О, что в душе моей поет,
Когда с разсудком я в разлуке?
Какие сладостные звуки!
То кровь поет, и вдали зовет.

То кровь и плачет, и рыдает,
Когда душа умчится вдруг,
Неведомый услыша звук,
Который тотчас умолкает.

О, кровь из виноградных лоз!
О, ты, вино из вены черной!
Играйте, пойте! Чары грез
Несите нам! Четой проворной
Гоните душу, память прочь,
И на сознание киньте ночь.

× × ×

ИЗ КНИГИ
ПЕСНЯ ДЛЯ НЕЕ

Вот осень наступила,
И строго запретила
Привычки лета длить.
Холодные недели
Загонят нас в постели,
Ласкаться и любить.

А летом,—что за скука!
Одна и та же мука:
— Ах, душно мне,—заснем!—
Не жизнь, а сна вериги.
Мы скучны, точно книги.
Вот осень, отдохнем.

Как угли в печке рдеют,
Уста у нас алеют,
Зима ведет любовь,
И запылаем сами
Мы пламенней, чем пламя,
И пламенней, чем кровь.

× × ×

Я не имею
Копейки медной за душой,
Но я владею,
Моя проказница, тобой.
С игрой и с пляской
Творишь ты радостный обряд.
Какою лаской
Твои слова всегда горят!

Внимаю ль речи
Твоей живой, ловлю ль твой взгляд,
Нагие ль плечи
Твои целую,—я богат.
На отдых нежный
Склонился я,—и вмиг весь пыл
На белоснежной
Твоей груди восстановил.

Конечно, мало,
Увы! любим тобою я:
Ты изменила
Мне часто, милая моя
Но что за дело
Мне до измен твоих, когда
Ты завладела
Моей душою навсегда!

× × ×

Не надо ни добра, ни злости,
Мне дорог цвет слоновой кости
На коже ало-золотой.
Иди себе путем разврата,
Но как лелеют ароматы
От этой плоти, боже мой!

Безумство плоти без предела,
Меня лелеет это тело,
Священнейшая плоть твоя!
Зажженный страстностью твоею,
От этой плоти пламенею,
И, чорт возьми, она—моя!

До наших душ нам что за дело!
Над ними мы смеемся смело,—
Моя душа, твоя душа!
На что нам райская награда!
Здесь, на земле, любить нам надо,
И здесь нам радость хороша.

Но здесь нам надо торопиться,
Недолгим счастьем насладиться,
Самозабвение вкусить.
Люби же, злая баловница,—
Как льются воды, свищет птица,
Вот так и мы должны любить.

× × ×

Я не люблю тебя одетой, —
Лицо прикрывши вуалетой,
Затмишь ты небеса очей.
Как ненавистны мне турниры,
Пародии, карикатуры
Столь пышной красоты твоей!

Глядеть на платье мне досадно, —
Оно скрывает беспощадно
Все, что уводит сердце в плен:
И дивной шеи обаянье,
И милых плеч очарованье,
И волхвование колен.

А, ну их, дам, одетых модно!
Спеши прекрасную свободно,
Сорочка милая, обнять,
Покров алтарный мессы нежной
И знамя битвы, где, прилежный,
Не уставал я побеждать.

× × ×

ВАРИАНТЫ

ЛУННЫЙ СВЕТ.

Твоя душа, как тот заветный сад,
Где сходятся изысканные маски.
Разряжены они, но грустен взгляд,
Печаль в напеве лютни, в шуме пляски.

Эрота мощь, безоблачные дни
Они поют, в минорный лад впадая,
И в счастье не веруют они,
И, песню их с лучом своим свивая,

Луна лесам и сны, и грезы шлет,
Луна печальная — семье пернатой,
И рвется к ней влюбленный водомёт,
Нагими мраморами тесно сжатый.

×××

НОЧНОЙ ЛУНОЮ.

Белая луна
Сеет свет над лесом.
Звонкая слышна
Под его навесом
Песня соловья...

Милая моя!

Ветер тихо плачет
В ветках над рекой,
А внизу маячит,
Отражен водой,
Темный ствол березы...

Вспомним наши грезы.

Сходит к нам покой
Нежный, бесконечный
С тверди голубой,
Где сияет вечный,
Тихий звездный строй...

В этот час ночной.

× × ×

ПЕСНЯ, УЛЕТАЙ СКОРЕЕ.

Лети ты, песенка, скорей
Навстречу ей с моим приветом.
Скажи, что в сердце, верном ей,
Светился луч веселым светом,

Все расточая в глубинах,
Что нежную любовь смущает, —
Сомненье, недоверье, страх, —
И вот уж ясный день сияет.

Ты слышишь? Радость говорит,
Так долго робкая, немая,
И к ясным небесам летит,
Как жаворонок распевая.

Лети же, песенка моя, —
Разлуки с нею время минет,
Она далекие края
Без сожаления покинет.

× × ×

ОЧАГ, И ТЕСНОЕ ПОД ЛАМПОЮ МЕРЦАНЬЕ.

Тесный, светлый круг под лампой; очага мерцанье;
На ладонь виском прилягу; тихое мечтанье:
Взор, блуждающий в лазури ненаглядных глаз;
Час дымящегося чая, книг закрытых час;
Радость чувствовать душою вечера склоненье;
Восхитительная томность, страстное хотенье,
Чтоб упала брачной ночи сладостная тень, —
Вот к чему мечтою нежной каждый божий день
Я без усталости стремился месяцы, недели,
И в отсрочках беспрестанных грезы не хладели.

× × ×

ТАК, СОЛНЦЕ, ОБЩНИК РАДОСТИ МОЕЙ.

То будет жарким летом, в полдень ясный:
Сдружится солнце с радостью моей,
И новый блеск придаст красе твоей
В волнах одежд шелковой и атласной.

Как на шатре, на небе голубом
Роскошно всюду складки затрепещут,
Надеждою глаза у нас заблещут,
И счастье промчится над челом.

И нежный ветер к вечеру проснется,
Твою вуаль колыша и струя,
И мирных звезд далекая семья
Супругам благосклонно улыбнется.

× × ×

ЗИМА ПРОШЛА.

Прошла зима, и теплое сиянье
Меж ясной твердью и землей дрожит,
И разлитое в небе обаянье
Печальнейшее сердце покорит.

И сам Париж, больной и злой, встречает
Румяную зарю, как верный друг,
И, кажется, объятья простирает
С румяных кровель тысячами рук.

Уж целый год душа цветет весною,
Прелестный май опять несет цветы,
И, как огонь к огню течет рекою,
К моей мечте приводит он мечты.

Невозмутимая лазурь широко
Блестит,—смеется в ней моя любовь.
Весна прекрасна, счастлив я глубоко,
И к цели близки все надежды вновь.

Пусть весна пройдет, пройдет и лето,
За осенью воротится зима, —
Мне радостны все перемены света,
Краса воображенья и ума.

Я УГАДЫВАЮ СКВОЗЬ ШЕПТАНЬЯ.

Мне кротко грезится под шопотом ветвей
Былых бесед живое очертанье;
Предчувствую сквозь звучное мерцанье,
О, бледная любовь, зарю грядущих дней.

Моя душа и сердце бредом жарким
Слиты, как глаз двойной,—увы, трепещет в нем
Неведомая песнь, и непогодным днем
Со всех сторон звучит призывом жарким.

О, если бы теперь пришла ты, смерть моя,
Пока любовь колеблется с тоскою
Меж старых снов и жизнью молодою!
О, как бы в зыбке той неслышно умер я!

× × ×

В СЛЕЗАХ МОЯ ДУША.

Слезы в сердце моем.
Плачет дождь за окном.
О, какая усталость
В бедном сердце моем!

Шуму проливня внемлю,
Бьет он кровлю и землю.
Много в сердце тоски,—
Пенью проливня внемлю.

Этих слез не пойму,—
Не влечет ни к чему
Уж давно мое сердце,
Что жалеть, не пойму.

Тяжелей нет мученья,—
Без любви, без презренья,
Не понять, отчего
В сердце столько мученья.

Второй вариант:

На сердце слезы упали,
Словно на улице дождик.
Что это, что за печали
В сердце глубоко упали?

Дождика тихие звуки,
Шум на земле и по крышам,
Сердцу в томлениях скуки
О, мелодичные звуки!

Слезы твои без причины,
Сердце,—ведь ты же боролось
С непостоянством судьбины!
Траур надет без причины.

Вряд ли есть худшее горе:
Даже не знать, отчего же,
Не примиряясь, не споря,
Сердце исполнено горя.

× × ×

ЗНАЙТЕ, НАДО МИРУ ДАРОВАТЬ ПРОЩЕНИЕ.

Возлагать не будем друг на друга путы,—
Это соблюдая, счастливы мы станем;
Если жизнь пошлет нам грозные минуты,
Что ж, поплачем вместе, да и перестанем.

Родственные души, свой обет неясный
Сочетать должны мы с кротостью наивной,
И, толпы чуждаясь, мы четой согласной
Побредем в забвеньи жизни, нам противной.

Будем, как малютки, будем, как девицы, —
Все их удивляет, их пустяк пленяет.
Поблднев под тенью отчей смоковницы,
Что они невинны, ни одна не знает.

Второй вариант:

Научися, мой друг, забывать и прощать.
Вот тогда мы с тобою счастливыми будем.
Если жизнь нам захочет печали послать,
Мы заплачем легко, и легко позабудем.

Души — сестры у нас, — примешаем легко
Мы к обетам своим юных дней наслажденье —
От мужей и от жен уходить далеко,
И вражде в нас ответит лишь холод забвенья.

Будем верной четой, как чета этих дев,
Что в пустяк влюблены и всему-то дивятся,
И, под девственной сенью грабин поблднев,
Даже знают навряд, что грехи им простятся.

× × ×

**ДЕРЕВЬЕВ ТЕНЬ В РЕКЕ УПАЛА В МРАК
ТУМАННЫЙ.**

Встает туман с реки, и тень деревьев тонет,
    Как в дымные струи,
А наверху в ветвях рой горлиц грустно стонет
    Про бедствия свои.

О, странник, бледен ты, бледна вокруг долина,
    Как здесь на месте ты!
Как плачет над тобой в ветвях твоя кручина
    Про мертвые мечты!

Второй вариант:

Тени ив погасли за туманною рекою,
    Как за дымной пеленою,
Между тем ты слышишь там вверху, на этих ивах,
    Пенье горлинок тоскливых.

Как тебе он близок, этот вид природы, бледной,
    Как и ты, о, странник бедный!
Не твои ль надежды плачут там в листве высокой
    Над тобою, одинокий?

Третий вариант:

С реки туман встает, как дым,
И тонет тень деревьев за ним,
А в ветках птицы там и тут
О чем-то жалобно поют.

Как эта ночь тебе родна,
О, странник, бледный, как она!
Как жалко плачет над тобой
Твоих надежд погибших рой!

× × ×

ПРОСТЫЕ ФРЕСКИ.

В дали зелено-красной
Долины и холмы
Под дымкой полутьмы
Бегут чередой неясной.

На золоте пучин
Все больше красных полос.
В деревьях без вершин
Чуть слышен птичий голос.

Приметы сглажены слегка
Поры осенней, скучной,
И песней однозвучной
Рассеяна тоска.

Второй вариант:

В зелено-алой дали
Долины тонут и холмы,
И лампы с морем зыбкой тьмы
Свой слабый свет смешали.

Сквозят из тканей золотых
Кровавые пучины,
И голос слабой птицы тих
В деревьях без вершины,

И осень прячется слегка
С медлительностью скучной,
И грезит томная тоска
Под шопот однозвучный.

× × ×

МУРАВА.

Покорно приношу с цветами и плодами
Я сердце вам мое, что бьется лишь для вас.
О, не разбейте сердце белыми руками,
Да будет мил мой дар для ваших нежных глаз.

Я к вам пришел, покрыт предутренней росой,
С челом, обвеянным дыханием ветров.
Склонясь у ваших ног, предамся я покою,
С мечтой о прелестях пленительных часов.

Позвольте мне на грудь к вам головой склониться.
Последний поцелуй звучит еще на ней.
У сердца вашего позвольте мне забыться,
Забыться вашим сном, от непогодных дней.

× × ×

СПЛИН.

Розы были слишком красны,
Были так плющи темны!

Дорогая, как опасны
Эти прелести весны!

Небо сине, небо нежно,
В море блещет радость дня.

Я страдаю безнадежно, —
Вдруг покинешь ты меня!

Эти нивы без предела,
Эти яркие цветы, —

Все мне страшно надоело,
Не наскучила лишь ты.

× × ×

УЛИЦЫ.

Ну-т-ка, спляшем джигу.

Любил я глазки голубые;
Они, как звездочки живые,
Горели, глазки эти злые.

Ну-т-ка, спляшем джигу.

Искусство было ей известно —
Озлить любовника чудесно,
И это было так прелестно!

Ну-т-ка, спляшем джигу.

Когда же страсть навек промчалась,
Еще прекрасней мне казалась
Ее цветущих губок алость.

Ну-т-ка, спляшем джигу.

О ней, о ней воспоминанья...
Те поцелуи, те свиданья —
Души благое достоянье.

Ну-т-ка, спляшем джигу.

НАД КРОВЛЕЙ НЕБО ЛИШЬ ОДНО.

Небо там над кровлей
Ясное синеет.
Дерево над кровлей
Гордой сенью веет.

С неба в окна льется
Тихий звон и дальний.
Песня птички льется
С дерева печально.

Боже мой! те звуки
Жизнь родит простая.
Кротко ропщут звуки,
Город оглашая:

«Что с собой ты сделал?
Ты богат слезами...
Что ты, бедный, сделал
С юными годами?»

Второй вариант:

Синева небес над кровлей
Ясная такая!
Тополь высится над кровлей,
Ветви наклоняя.

Из лазури этой в окна
Тихий звон несется.
Грустно с веток этих в окна
Песня птички льется.

Боже мой! я звуки слышу
Жизни мирной, скромной.
Город шепчет мне, — я слышу
Этот ропот томный:

«Что ты сделал? что ты сделал?
Исходя слезами,
О, подумай, что ты сделал
С юными годами?»

× × ×

НЕ НАДО НИ ДОБРА, НИ ЗЛОСТИ.

Непорочна ты иль нет,
Мне то что за дело!
Вижу нежно-алый цвет
Молодого тела, —
Это — тихою зарей,
В милый час вечерний,
На вершине снеговой
Куши роз без терний.
Сколько страсти и огня,
Сколько наслажденья
Принесла ты для меня
В ночь соединенья!

Души? вечность? Вздор какой!
Нам-то что за дело!
Над нелепостью такой
Мы смеемся смело.
На земле себе найдем
Вечное жилище, —
Мы не на небо пойдем,
Только на кладбище.
Надо ж пользоваться здесь
Жизнью быстролетней,
И до дна напитков весь
Выпить искрометный.
В дни желаний и страстей
Надо нам влюбляться,
Как рокошет соловей,
Как ручьи струятся.

СОДЕРЖАНИЕ

	СТР.
От переводчика	5
I. ПОЭМЫ САТУРНАЛИЙ.	
1. Никогда вовеки.	11
2. Женщине.	12
3. Тоска.	13
4. Моряна.	14
5. Посмешища.	15
6. Осенняя песня	17
7. Песня наивных.	18
8. Серенада	20
9. В лесах.	22
II. ЛЮБЕЗНЫЕ ПРАЗДНИКИ.	
10. Лунный свет.	27
11. На траве.	28
12. В пещере.	29
13. Фавн.	30
14. Письмо.	31

III. ДОБРАЯ ПЕСНЯ.

15. На солнце утреннем	35
16. Все прелести	36
17. Пока еще ты не ушла	38
18. Ночной луною	39
19. Песня, улетай скорее	40
20. Вчера, среди ничтожных разговоров	41
21. Очаг, и тесное под лампою мерданье	42
22. Почти боюсь	43
23. Так, солнце, общник радости моей	44
24. Зима прошла	45

IV. РОМАНСЫ БЕЗ СЛОВ.

25. Это—нега восхищенья	49
26. Я угадываю сквозь шептанья	50
27. В слезах моя душа	51
28. Знайте, надо миру даровать прощенье	52
29. В полях кругом	53
30. Деревьев тень в реке	54
31. Брюссель. Простые фрески. I	55
32. » » » II	56
33. Мурава	57
34. Сплин	58
35. Улицы. I	59
36. » II	60
37. Ребенок—женщина	61
38. Бедный молодой пастух	62
39. Сияния	64

V. МУДРОСТЬ.

40. Меня в пути Беда, злой рыцарь в маске,
встретил 67
41. И красота, и слабость женщин 69
42. Послушай нежной песни лепет 70
43. Как нежно вы меня ласкали 72
44. Сын громадных поселений 73
45. Я в черные дни 74
46. Над кровлей небо лишь одно 75

VI. КОГДА-ТО И НЕДАВНО.

47. Калейдоскоп 79
48. Пьерро 81
49. О что в душе моей поет 82

VII. ПЕСНЯ ДЛЯ НЕЕ.

50. Вот осень наступила 85
51. Я не имею 86
52. Не надо ни добра, ни злости 87
53. Я не люблю тебя одетой 88

ВАРИАНТЫ.

- К стих. «Лунный свет»:
Твоя душа, как тот заветный сад 91
- К стих. «Ночной луною»:
Белая луна 91
- К стих. «Песня, улетай скорее»:
Лети ты, песенка, скорей 92
- К стих. «Очаг, и тесное под лампою мерцанье»:
Тесный, светлый круг под лампой 93

К стих. «Так, солнце, общник радости моей»:	
То будет жарким летом	94
К стих. «Зима прошла!»	
Прошла зима	94
К стих. «Я угадываю сквозь мерцанья»:	
Мне кротко грезится	95
К стих. «В слезах моя душа»:	
Слезы в сердце моем	96
На сердце слезы упали	97
К стих. «Знайте, надо миру даровать прощенье»:	
Возлагать не будем друг на друга путы.	97
Научися, мой друг, забывать и прощать.	98
К стих. «Деревьев тень в реке»:	
Встает туман с реки.	99
Тени ив погасли.	99
С реки туман встает	100
К стих. «Простые фрески, I»:	
В дали зелено-красной.	100
В зелено-алой дали	101
К стих. «Мурава»:	
Покорно приношу.	101
К стих. «Сплин»:	
Розы были слишком красны.	102
К стих. «Улицы, I»:	
Ну-т-ка, спляшем джигу.	103
К стих. «Над кровлей небо лишь одно»:	
Небо там над кровлей.	104
Синева небес над кровлей.	104
К стих. «Не надо ни добра, ни злости»:	
Непорочна ты иль нет.	105

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„ПЕТРОГРАД“

Петроград. Просп. Володарского (б. Литейн.), № 51. Тел. 5-61-46.

Отделение в Москве Петровка, 7, книжный магазин «Маяк».

Телеф. 1-48-92 и 44-74.

АЛЬМАНАХИ и СБОРНИКИ.

«ПЕТРОГРАД». Литературный альманах, под ред. А. И. Гессена и Я. Б. Лившица. Стихи, рассказы и статьи Ф. Сологуба, М. Кузьмина, Е. Замятина, В. Роддественского, Т. Манна, М. Слонимского, Д. Айзмана, А. Гизетти, В. Ходасевича, В. Азова, Конан-Дойля, Н. Тихонова, Я. Бердникова, А. Кугеля, С. Нельди-хина, Г. Лазаревского, В. Онегина, Д. Выгодского, Л. Гессена, А. Рашковской, Г. Манна, И. Груздева, П. Губера, А. Тянякова. Кн. I.

«ЕВРЕЙСКИЙ АЛЬМАНАХ». Под ред. Б. А. Кауфмана и И. А. Клейнмана. Стихи, рассказы и статьи П. Губера, Д. Эйнгорна, Л. Лунца, С. Черниковско-го, В. Овчинникова, Д. Фришмана, А. Соболя, И. Бреннера, Г. Шофмана, С. Гинсбурга, С. Цин-берга, А. Горнфельда, И. Клейнмана, Д. Благого, Н. Брюлловой, Н. Бухбиндера, В. Бинштока.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Евг. ЗАМЯТИН. На куличках. Повести и рассказы.

В. М. ДОРОШЕВИЧ. Легенды и сказки.

Н. АЛЬТЕНБЕРГ. Сумерки моей жизни.

МОРИС БАРРЕС. Сад на берегу Оронта.

ПЬЕР БЕНУА. Девственница. Роман. Перев. В. Онегина.

Р. де-ла БРЕТОНЬ. Революционные ночи. Перев. А. Н. Чеботаревской.

Х. БЯЛИК. Рассказы. Авторизованный перевод Д. И. Выгодского.

Я. ВАССЕРМАН. Три ступени.

М. ГАЛЬВЕЦ. Наха. Роман. Перев. А. Я. Острогорской.

- К. ГАМСУН.** Женщины у колодца. Роман. Перев. Э. К. Пименовой.
- Г. ГАУШТМАНН.** Призрак. Роман. Перев. В. Л. Щегло.
- Г. GERMAN.** Кубинке. Роман. Перев. М. М. Гутмана.
- Г. GERMAN.** Снег. Роман. Перев. Е. Хорошинской.
- Г. ГЕССЕ.** Сидхарта. Роман.
- Норберт ЖАК.** Пороховой завод. Роман.
- Г. ЗУДЕРМАН.** Картины моей юности. Перев. Г. И. Гордона.
- БЛАСКО ИБАНЬЕС.** В женском раю. Роман. Перев. с испанск. Д. Выгодского и В. Узина.
- ЖАК де-ЛАКРЕТЕЛЛЬ.** Еврей (Зильберман).
- В. Дж. ЛОКК.** Рыжий варвар. Роман. Перевод А. В. Лучинской.
- В. Дж. ЛОКК.** Демагог и леди Файр. Роман.
- Джек ЛОНДОН.** Пытка. Роман. Перев. Э. К. Пименовой.
- Г. МЕЙРИНК.** Летучие мыши. Перев. Дм. Крючкова.
- Петер НАНСЕН.** Любовь и молодость.
- М. НЕКСО.** Пролетарские новеллы. Перев. М. М. Гутмана.
- У. СИНКЛЕР.** Христос в Уэстерн Сити. Роман.
- У. СИНКЛЕР.** Американские биржевики. Роман.
- У. СИНКЛЕР.** Принц Гаген. Перев. А. В. Лучинской.
- У. СИНКЛЕР.** Четыреста (Нью-Йорк). Роман. Перев. Вл. Азова.
- Р. ТАГОР.** Залетные птицы. Перевод с англ. Т. Л. Щепкиной-Куперник.
- Р. ТАГОР.** Крушение. Роман. Перев. С. А. Андрианова.
- Г. УЭЛЛС.** Краткая история мира. Перев. В. Азова.
- Г. УЭЛЛС.** Колеса фортуны. Роман. Перев. В. Онегина.
- Клод ФАРРЕР.** Новые люди. Роман. Перев. А. Я. Острогорской. (*Распродано*).
- Клод ФАРРЕР.** Подружки. Роман. Перев. А. Григорьева.
- Клод ФАРРЕР.** Башня «А».
- Клод ФАРРЕР.** Идиллия в масках.
- Кл. ФИБИХ.** Под деревом свободы. Роман.
- Л. ФРАНК.** Человек добр. Перев. с немецк. Г. И. Гордона.
- А. ШНИЦЛЕР.** Маски и чудеса. Перев. Э. Н. Львовского.
- Рих. ЭДЭН.** Эйнштейнова Соната. Роман относительноности. Перев. В. Онегина.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:

В ПЕТРОГРАДЕ:

Книгоиздательство «ПЕТРОГРАД»,
Просп. Володарского (б. Литейный), 51,
тел. 5-61-46;

В МОСКВЕ:

Петровка, 7, книжный магазин «Маяк»,
тел. 1-48-92 и 44-74.